

Коррекция и хеджирование

Двадцать лет «большого договора»
и эволюция российско-китайских отношений

Игорь Денисов, Александр Лукин

И.Е. Денисов – старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

А.В. Лукин – доктор исторических наук, профессор, руководитель департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России.

Статья в части А.В. Лукина подготовлена при грантовой поддержке Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2021 году.

16 июля 2021 г. – двадцать лет со дня подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве¹. Первоначальный срок его действия завершается, но в марте во время визита в Китай Сергея Лаврова министры иностранных дел двух стран заявили, что договор будет продлён ещё на пять лет, как и предусмотрено в его тексте. В статье мы хотели бы дать объективную оценку этого рамочного документа, его реального значения сегодня, поместив договор в общий контекст двусторонних отношений и мировой ситуации.

ПОСТСОВЕТСКИЙ ТРАНЗИТ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОТ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЁРСТВУ

Нормализация советско-китайских отношений началась в период правления Михаила Горбачёва, когда Москва и Пекин согласились

¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Официальный сайт Президента России. 16.06.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 2.06.2021).

действовать на основе известной формулы Дэн Сяопина «закрыть прошлое, открыть будущее». Тем не менее результат выстраивания взаимодействия КНР с новой Россией был далеко не predetermined. После распада СССР китайское руководство в первую очередь было озабочено тем, чтобы максимально застраховаться от неблагоприятных изменений в ближайшем внешнем окружении. Пекин тщательно отслеживал ситуацию в России и других государствах СНГ, одновременно пытаясь избежать роста внутривнутриполитических рисков из-за краха КПСС и процессов декоммунизации в Восточной Европе. Ещё в сентябре 1989 г. Дэн Сяопин говорил: «Вопрос сегодня не в том, упадёт ли знамя Советского Союза – в Советском Союзе непременно будет хаос, вопрос в том – не упадёт ли китайское знамя»².

Китайский подход, фоном которого служили неопределённость и стремительность развития событий на постсоветском пространстве, можно назвать «идеологической обороной». Сначала в Пекине не было чёткого понимания, куда всё движется, насколько устойчивым образованием окажется Российская Федерация и сохранится ли СНГ в целом. Так, временный поверенный в делах КНР Чжан Чжэнь, не исключал что Россия может распасться на несколько «суверенных государств»³.

Со стороны Китая доминировал осторожный и консервативный подход, который подпитывался травматическими переживаниями по поводу падения коммунистического режима в СССР. А вот в новых государствах, прежде всего в России, внешняя политика явно дала прозападный крен. Первое посткоммунистическое правительство исходило из того, что демократическая Россия – естественный союзник демократических стран Запада. Идея интеграции в либеральный западный мир стала определяющей в российской внешней политике, что не могло не беспокоить Китай. Тем более что постсоветский транзит совпал с охлаждением отношений Пекина и Запада после подавления студенческих вол-

² 邓小平 [Дэн Сяопин]. «改革开放政策稳定, 中国大有希望» [Когда политика реформ и открытости стабильна, к Китаю есть большая надежда] // 邓小平文选 [Собрание сочинений Дэн Сяопина]. Т.3. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1993. С. 320.

³ Radchenko S. Unwanted Visionaries: The Soviet Failure in Asia at the End of the Cold War. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 188.

нений 1989 года. Дополнительным раздражителем стал правозащитный акцент, который всё чаще звучал в заявлениях Москвы.

Несмотря на некоторое недоверие к новым российским властям, неуверенность в стабильности соседнего государства, а также ряд важных идеологических разногласий, в том числе по правам человека, Пекин проявил стратегическое терпение и прагматизм. Прагматичный подход взял верх и в Москве, которая видела в Китае прежде всего покупателя оружия, что было критически важно для поддержки оборонной промышленности, а также поставщика потребительских товаров, особенно необходимых дальневосточным регионам в период экономического кризиса. В протоколе по итогам переговоров заместителей министров иностранных дел в Москве уже в декабре 1991 г. говорилось, что «руководящими принципами развития российско-китайских отношений остаются основные принципы, определённые в двух советско-китайских коммюнике 1989 и 1991 гг.», и подтверждалось действие договоров и соглашений, ранее подписанных СССР и КНР⁴. В течение 1992 г. Россия подтвердила намерение выполнять соглашения в сфере военно-технического сотрудничества с Китаем, подписанные Советским Союзом. Импорт китайских товаров народного потребления играл немаловажную роль в стабилизации социальной ситуации в России, снизив остроту товарного дефицита. Со временем зависимость российского рынка от китайского ширпотреба снижалась, но военное и военно-техническое сотрудничество остаётся одним из цементирующих факторов.

То, что первоначальные политические шероховатости удалось быстро сгладить, скорее всего, связано не столько с внешними, сколько с внутренними факторами. Москва и Пекин начали действовать в парадигме реализма, отдавая приоритет национальным интересам, а не призрачным идеологическим формулам, перестали рассматривать двусторонние отношения исключительно сквозь призму третьей стороны – коллективного Запада. Постепенно выработанный деидеологизированный подход придал самостоятельную ценность российско-китайским отношениям, тем более что активно шёл процесс пограничного урегулирования, превращавший ситуацию на границе в стабильную и безопасную.

⁴ Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. М., 1999. С. 132–133.

Китаю, заинтересованному в развитии Центральной Азии, пришлось считаться с особой ролью России на постсоветском пространстве Евразии⁵. В последние годы президентства Бориса Ельцина и особенно с приходом к власти в 2000 г. Владимира Путина Китай становится важным партнёром России на азиатском направлении российской внешней политики. Свидетельством тому стало заключение в 2001 г. российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

«БОЛЬШОЙ ДОГОВОР» И ЭЛЕМЕНТЫ УСТОЙЧИВОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ

Сам факт, что договор до сих пор на практике задаёт общие рамки двусторонних отношений, свидетельствует о дальновидности тех, кто его составлял и подписывал. Документ выразил суть российско-китайских связей, которая не только не изменилась за прошедшие два десятилетия, но и с большой вероятностью сохранится в обозримом будущем. Это тесное взаимовыгодное «стратегическое партнёрство», не доходящее до уровня формального союза.

Именно отсутствие чётких союзных обязательств при закреплении других механизмов сотрудничества объясняет уникальную устойчивость документа. Достаточно сравнить его с тремя союзными договорами, которые на протяжении истории заключались между Россией и Китаем. Действие договора 1896 г., подписанного Российской Империей и Империей Цин, было формально прекращено в 1905 г. после поражения России в войне с Японией. Заключённый на тридцать лет договор о дружбе и союзе между СССР и Китайской Республикой 1945 г. просуществовал всего пять лет, а фактически потерял значение в 1949 г. после поражения Гоминьдана на материке (расторгнут Законодательным юанем 24 февраля 1952 г.). Советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. хотя и действовал формально весь положенный срок, на практике не соблюдался после резкого ухудшения отношений между двумя странами в начале 60-х гг. XX века, то есть фактически применялся чуть более десятилетия.

⁵ 张植荣 [Чжан Чжижун]. 中国边疆与民族问题：当代中国的挑战及其历史由来 [Приграничные районы Китая и национальный вопрос: современный вызов Китаю и его исторические истоки]. Пекин. Бэйцзин дасюе чубаньшэ, 2005. С. 125.

Исторический опыт говорит о том, что формальное закрепление союзнических отношений России и Китая не выдерживает испытания временем. Во-первых, обе страны слишком велики, чтобы одна из них стала явным лидером, в то время как большинство современных союзов (НАТО и Варшавский договор, например) скрепляется авторитетом и мощью такого лидера. Во-вторых, их интересы хоть и близки, но не совпадают полностью, поэтому любые двусторонние документы должны допускать некоторый люфт, чтобы действия по реализации различающихся интересов не входили с ними в противоречие.

Какие же основные положения договора особенно важны? Для России это, прежде всего, зафиксированное в статье 6 «отсутствие взаимных территориальных претензий». Вкупе с полностью завершённым в 2004 г. определением линии прохождения границы это положило конец территориальным спорам, длившимся ещё с XIX века. Несмотря на периодическую критику алармистов и псевдопатриотов с обеих сторон, договор юридически зафиксировал нерушимость существующей границы, и вряд ли по этому поводу нужен какой-либо дополнительный документ. Конечно, договор – не гарантия на века. В случае прихода к власти в одной из стран радикальных националистов, они могут потребовать его пересмотреть. Но пока это маловероятно, и существующий договор в данной части имеет хорошие перспективы.

Для Китая важна статья 5, в которой Россия признаёт, что правительство КНР – единственное законное правительство, представляющее весь Китай, а «Тайвань является неотъемлемой частью Китая». Эта позиция не изменялась с 1949 г., однако после распада СССР в Пекине возникали некоторые опасения относительно готовности Москвы её чётко подтвердить.

Важна для Пекина и статья 8, запрещающая «заключение договоров с третьими государствами, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности», а также создание и деятельность «организаций и групп, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности» другой стороны. Фактически, особенно во второй части, статья накладывает ограничения лишь на Россию, поскольку в Китае и так не действуют никакие независимые от государства структуры, а в России могут

работать любые организации, не нарушающие российское законодательство, и требования не подрывать суверенитет, безопасность и территориальную целостность других стран оно не накладывает.

В статье 4 стороны заявили о поддержке друг друга в «вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности». Однако данная статья как раз даёт определённый люфт, поскольку понимание того, что именно составляет территорию другой стороны, у Москвы и Пекина не вполне совпадают. Например, у Китая нет чёткой позиции в отношении принадлежности Южно-Курильских островов, а у России – островов и рифов Южно-Китайского моря. После вхождения Крыма в состав РФ эти расхождения стали ещё более очевидными, поскольку КНР официально его частью России не признаёт.

Значительную свободу толкований даёт и статья 9, предусматривающая незамедлительное вступление в контакт и проведение консультаций в случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из сторон, «может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы её безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии». Не фиксируя чётких союзных обязательств по взаимной обороне, которые, кстати, не предусматривает, например, и знаменитая статья 5 Североатлантического договора, она устанавливает формат взаимодействия в любой угрожающей ситуации.

Таким образом, договор создал гибкий и практичный механизм взаимодействия в рамках тесного стратегического партнёрства.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

«Большой договор» не столько создал новую правовую реальность, сколько закрепил уже имеющиеся явления и достижения. Это, в частности, означает, что в случае изменения реалий сам договор или отдельные его части вполне могут потерять практическое значение, но по иным причинам, чем в случае с договором 1950 года. Так как «не все союзы создаются равными»⁶, устойчивость несо-

⁶ Alliances That Never Balance: The Territorial Settlement Treaty // SAGE Journals. First Published: February 1, 1996. URL: <https://doi.org/10.1177/073889429601500104> (дата обращения: 2.06.2021).

юзнических отношений со временем может испытывать давление внутренних и внешних факторов. Россия и Китай вообще относятся к той категории стран, где не правовая реальность следует букве, а буква реальности.

По данным Всемирного банка, в 2001 г. номинальный ВВП России составлял 306,6 млрд, а КНР – 1,3 трлн долларов, в 2019 г. соответственно – 1,7 и 14,3 триллиона. Таким образом, Китай увеличил преимущество с приблизительно четырёх раз до 8,5, и разрыв продолжает расти. Хотя огромные ресурсы мобилизованы на борьбу с пандемией коронавируса, в 2020 г. китайская экономика показала более чем двухпроцентный рост, а российская стагнирует с 2014 года. Растёт китайский бюджет и его расходы на самые различные отрасли. Например, официальный военный бюджет КНР в 2021 г. составит 209 млрд долларов, причём его рост в последние годы составляет 6–7 процентов в год, а российский – 51 млрд при ежегодном росте менее 3 процентов. На исследования и развитие в 2018 г. Китай тратил больше 2 процентов бюджета, а Россия – менее одного, по абсолютным цифрам Китай превзошёл ЕС и почти догнал США. По данным МВФ в 2020 г. Китай обошёл Россию по ВВП на душу населения (58 и 60 места в мире соответственно). Таким образом, общее соотношение сил между двумя странами резко меняется в пользу КНР.

Накапливаемая Китаем объективная мощь привела к серьёзным изменениям во внешней политике. Если на макроуровне Россия и Китай декларируют общность взглядов на эволюцию международной системы, то в практической сфере с ростом китайского глобального охвата Москве может быть сложнее строить отношения с Пекином на основе провозглашаемых в Концепции внешней политики РФ принципов: независимость и суверенитет, прагматизм, транспарентность, многовекторность, предсказуемость, неконфронтационное отстаивание национальных приоритетов⁷.

Пришедшее к власти в 2012 г. руководство Си Цзиньпина фактически отменило внешнеполитическую стратегию Дэн Ся-

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Официальный сайт Президента России. 30.11.2016. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 2.06.2021).

опина, суть которой выражалась в формулировке «скрывать свои возможности, держаться в тени» (*таогуан янхуэй*), то есть копить силы и не проявлять слишком заметной активности. Ей на смену пришёл курс на активное отстаивание интересов, который на Западе окрестили «напористым» (*assertive*). Затем сменился и стиль китайской дипломатии: официальные представители китайского МИД и сотрудники посольств в разных странах стали резко критиковать зарубежных учёных, общественных и политических деятелей, высказывания которых не нравились официальному Пекину. Например, в марте 2021 г. посольство КНР во Франции в своём аккаунте в «Твиттере» (кстати, запрещённом в самом Китае) и на официальном сайте охарактеризовало одного из французских экспертов как «мелкого отморозка» (*petite frappe*)⁸, «сумасшедшую гиену» (*hyène folle*) и «идеологического тролля» (*troll idéologique*). И таких примеров сегодня множество. Этот стиль, поначалу в Китае, а затем на Западе, окрестили дипломатией «боевых волков»⁹ – по названию патриотического китайского боевика. В пресс-релизе посольства КНР во Франции со ссылкой на этот распространённый образ китайских дипломатов отмечалось, что «боевые волки существуют потому, что имеется слишком много сумасшедших собак, в том числе скрывающихся под личиной учёных и представителей СМИ»¹⁰. Атаки на выразителей неугодных взглядов диппредставительство считает нормой, даёт понять, что будет заниматься этим и впредь, и отвергает обвинения во вмешательстве во внутренние дела.

Новый стиль китайской дипломатии и напористый внешнеполитический курс, естественно, в основном касается стран, которых в Пекине считают оппонентами и в которых сам Китай подвергается жёсткой и открытой критике. Однако в последнее время он стал затрагивать и «стратегических партнёров», в том

⁸ Ambassade de Chine en France // @AmbassadeChine. 19.03.2021. URL: <https://twitter.com/AmbassadeChine/status/1372813385688027138> (дата обращения: 2.06.2021).

⁹ Zhu Z. Interpreting China's Wolf Warrior Diplomacy // The Diplomat. 2020. No. 15. P. 648-658.

¹⁰ Une discussion démocratique sur la liberté d'expression // Ambassade de la République Populaire de Chine en République Française. 21.03.2021. URL: <http://www.amb-chine.fr/fra/zfzj/t1862928.htm> (дата обращения: 2.06.2021).

числе и Россию. Возможно, первой ласточкой можно считать статью научного сотрудника Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук Хань Кэди¹¹, опубликованную в июле 2016 г. газете ЦК КПК “*Global Times*” (англоязычная версия газеты «Хуаньцю шибао»), которая превратилась в рупор сторонников «самоуверенности» в китайской элите. В ней автор, в частности, утверждал: «Постоянные российские обвинения США в гегемонизме и вмешательстве во внутренние дела других стран верны, но омрачаются скрытыми факторами. Россия в действительности сама хочет делать то, в чём она обвиняет Соединённые Штаты». На эту статью на страницах газеты пришлось отвечать тогдашнему временному поверенному в делах России Георгию Зиновьеву¹², что говорит о том, что Москва не видит в таких настроениях исключительно персональное мнение отдельных исследователей.

В ответ на критику по подобным поводам китайские власти обычно отвечают, что выражаемые авторами мысли отражают не официальную позицию, а частные взгляды. Однако с учётом действующей в Китае жёсткой цензуры трудно поверить, что в китайские СМИ могут проскочить материалы, значительно отклоняющиеся от официальной позиции. Тем более это касается официальных изданий ЦК КПК. Скорее «напористость» относится не только к враждебным государствам, но становится общим поветрием, которое поддерживается значительной частью элиты, а руководство либо не может, либо не желает это менять.

В марте 2019 г. «Независимая газета» сообщила, что начальник отдела печати и публичной дипломатии, советник посольства КНР в России Гоу Юнхай угрожал внести в «чёрный список» на въезд в Китай её журналиста за статью, которая ему не понравилась¹³.

¹¹ Kedi H. Russian suspicions of China hold back ties // *Global Times*. 24.07.2016. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/996163.shtml> (дата обращения: 2.06.2021).

¹² Zinoviev G. Facts prove depth of Russia-China relations // *Global Times*. 27.07.2016. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/996840.shtml> (дата обращения: 2.06.2021).

¹³ Китайский дипломат угрожает журналисту «НГ» попаданием в чёрные списки // *Независимая газета*. 4.03.2019. URL: https://www.ng.ru/world/2019-03-04/2_7523_china.html (дата обращения: 2.06.2021).

НЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИСПРОПОРЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Другая важная тенденция – рост диспропорций в российско-китайских отношениях, несмотря на официальные заявления обеих сторон об обратном. И диспропорции не исчерпываются растущей асимметрией в экономической области, на что часто обращают внимание исследователи.

На территории России свободно работают китайские телекомпании, которые включены в пакеты основных российских спутниковых компаний и операторов кабельного телевидения. В России свободно распространяются китайские печатные СМИ, некоторые из них – на русском языке. В Китае свободное распространение любых иностранных СМИ, в том числе и российских, запрещено законом. Российское спутниковое телевидение доступно разве что в самых дорогих отелях. Печатный орган правительства Российской Федерации «Российская газета» регулярно публикует китайские официозные материалы в рамках проекта «Россия – Китай: главное»¹⁴, российские официальные СМИ не имеют подобного доступа к широкой китайской аудитории. Публикации МИА «Россия сегодня» в китайских социальных сетях часто подвергаются разного вида цензуре: либо удаляются, либо доступ к ним ограничивается. Таким образом, обмена по линии СМИ приобретают всё более асимметричный, порой не учитывающий российские интересы, характер. В год 75-летия Победы в китайском интернете продолжительное время был недоступен размещённый на сайте «Sputnik. Китай» перевод статьи президента РФ Владимира Путина, посвящённой итогам Второй мировой войны.

Российские издательства публикуют значительное число переводных китайских материалов, посвящённых истории, политике и международным отношениям. Многие отражают официальные подходы Пекина, не разделяемые большинством российских исследователей. Издание же российских работ по соответствующей тематике в Китае возможно лишь в случае, если они не противоречат официальной позиции Пекина, причём в последнее время контроль значительно ужесточился.

¹⁴ Россия-Китай: главное // РИА Новости. URL: https://ria.ru/Russia_China_Top/ (дата обращения: 2.06.2021).

В китайском общественном сознании не только жив, но и постоянно подпитывается комплекс «утраченных территорий». Летом 2020 г. в китайских социальных сетях поднялась критика празднования в России 160-летия Владивостока, причем её поддержали некоторые учёные и журналисты, в том числе главный редактор упомянутой «Хуаньцю шибао» Ху Сицзинь¹⁵.

Недалеко от Москвы с 2016 г. работает единственный в России музей, полностью финансируемый и контролируемый другим государством. Это музей VI съезда КПК, оформленный как филиал Китайского культурного центра. Экспозиция музея, естественно, полностью отвечает китайской версии истории КПК, которую оспаривают многие российские исследователи. Никакой речи о том, чтобы признать музей иностранным агентом, не ведётся. В то же время в Китае во многие музеи, посвящённые истории российско-китайских отношений, доступ иностранцам, в том числе россиянам, вообще закрыт, а об открытии российского музея под эгидой, скажем, Российского культурного центра, куда был бы разрешён доступ всем китайцам, не может быть и речи.

Другое примечательное явление – массовый снос или перенос на менее заметные места памятников советским воинам, погибшим во время освобождения Северо-Восточного Китая в 1945 году. В КНР их перенесено гораздо больше, чем во всех странах Восточной Европы вместе взятых. В Китае обычно говорят, что местные власти делают это для оптимизации движения транспорта, что представляется не вполне правдоподобным. Скорее китайские власти, на высоком уровне постоянно отдавая должное помощи советской армии войне с Японией, стараются «не выпячивать» вклад иностранцев на уровне простых граждан. В результате в России у части населения, среди руководителей предприятий и в спецслужбах возрастают опасения относительно новой «напористости» китайских партнёров.

Трудно становится сотрудничать с китайскими коллегами и в сфере естественных наук, всё более часты случаи осуждения рос-

¹⁵ Зуенко И. Китайцы о юбилее Владивостока: «Посольство России унизило Китай» // Аргументы и факты. Владивосток. 15.07.2020. URL: https://vl.aif.ru/society/a_byl_li_hayshenvay (дата обращения: 2.06.2021).

сийских учёных за передачу секретной информации¹⁶. Усугубляющаяся идеологизация и цензура мешают развитию сотрудничества в области общественных наук. Порой китайские студенты и преподаватели считают возможным вмешиваться в учебный процесс в российских вузах для приведения его в соответствие с официальной китайской идеологией. Российские власти принимают меры, чтобы сдержать возникновение новых Институтов Конфуция. Достигнута договорённость о том, чтобы число Русских центров в Китае и Институтов Конфуция в России было равным. В отдельных случаях правоохранительные органы пытались даже приостановить работу некоторых Институтов Конфуция за якобы незаконную деятельность, но до сих пор безуспешно¹⁷.

Интересно и малозаметное, но существенное изменение отношения России к китайской инициативе «Один пояс – один путь» (ОПОП). В 2017 и 2019 гг. президент России выступал в качестве главного гостя на международных форумах «Пояс и путь» высшего уровня, с большой помпой проводившихся в Пекине. Москва продолжает словесно выражать всяческую поддержку ОПОП, однако на международной видеоконференции уровня министров иностранных дел в июне 2020 г. от России выступал посол по особым поручениям, министр прислал лишь письменное приветствие¹⁸. Некоторые наблюдатели увидели в этом символическое выражение того, что практический эффект для Москвы от помпезных мероприятий Пекина весьма несущественен¹⁹. О том, что Россия не собирается полностью включаться в орбиту китайских интересов, говорили и раньше. Так в 2017 г. посол РФ в КНР Андрей Денисов отметил: «Ничего такого, что России невыгодно, Россия делать не будет». По словам дипломата, у России достаточно ресурсов для проведения са-

¹⁶ Громкие дела о госизмене и разглашении гостайны в отношении российских ученых // ТАСС. 15.06.2020. URL: <https://tass.ru/info/8724239> (дата обращения: 2.06.2021).

¹⁷ Прокуратура Благовещенска больше не требует закрыть Институт Конфуция // РИА Новости. 17.09.2015. URL: <https://ria.ru/20150917/1256979779.html> (дата обращения: 2.06.2021).

¹⁸ О видеоконференции в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // МИД РФ. 18.06.2020. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4169112 (дата обращения: 2.06.2021).

¹⁹ Лесных А. Не стой на рельсах: Россия отдаляется от «Шёлкового пути» // Газета.ру. 21.07.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/07/21/13161061.shtml> (дата обращения: 2.06.2021).

мостоятельной политики, и, несмотря на близость по большинству позиций, у Москвы и Пекина могут быть свои интересы²⁰.

Москва настойчиво объясняет Пекину, что участвует в ОПОП не на правах обычного партнёра, который подписывает с Пекином двусторонний документ о сотрудничестве в рамках инициативы, а как член Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Состоящий же из пяти членов ЕАЭС взаимодействует не с ОПОП, а с одной его частью – Экономическим поясом Шёлкового пути (ЭПШП) в рамках документов, подписанных Евразийской экономической комиссией и китайским Министерством коммерции. То есть Россия не включилась в китайскую инициативу, а сотрудничает с ней на равных как один из членов международной организации региональной экономической интеграции. Между тем Пекин, формально принимая идею сотрудничества с ЕАЭС, где Россия играет основную роль, предпочитает вести дела с менее крупными членами Союза на двусторонней основе.

Наконец, бывший премьер и руководитель Службы внешней разведки, а ныне – директор Российского института стратегических исследований Михаил Фрадков, представляющий по поручению президента Россию в китайском проекте «Пояс и путь», 18 января 2021 г. выразил мнение, что эта работа «должна вестись с нашими регионами, через которые проходит “Пояс и путь”, чтобы вовремя заметить и не пропустить то, что может стать риском для обеспечения наших интересов»²¹. Впервые на высоком уровне публично отмечено, что сотрудничество с Китаем по ОПОП может быть сопряжено для России с определёнными рисками. Это ставит перед российской внешней политикой задачу более активной диверсификации международного взаимодействия в Азии, в том числе путём углубления сотрудничества с Японией и Южной Кореей (которые, несмотря на нажим США, воздержались от эскалации санкционного давления на Россию), а также с Индией и странами АСЕАН.

²⁰ «Ничего, что России невыгодно, она делать не будет» // Коммерсант. 6.03.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3235889> (дата обращения: 2.06.2021).

²¹ Встреча с директором Российского института стратегических исследований Михаилом Фрадковым // Официальный сайт Президента России. 18.01.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64902> (дата обращения: 2.06.2021).

ПЕРЕХВАТ ИНИЦИАТИВЫ

Важным моментом новой ситуации является тенденция к перехвату Китаем инициативы в формулировании нарратива двусторонних отношений. До недавнего времени все определения и понятия либо были международными, либо предлагались российской стороной. Так, например, понятия «многополярного» или «полицентричного» мира, к которому Россия и Китай стремятся, противопоставляя его «однополярному», пришли из западных теорий международных отношений. То же относится к необходимости реформы системы «глобального управления», принципу «взаимного выигрыша» (*win win*), «глобализации» и «Глобальному Югу». Все предыдущие определения характера российско-китайских отношений были сформулированы Москвой: «отношения стратегического взаимодействия и партнёрства, обращённые в XXI век», «всеобъемлющее партнёрство и стратегическое взаимодействие» и прочие.

Сегодня китайский нарратив всё больше входит в двусторонние документы. Россия приняла понятия «сообщества единой судьбы», «новой эпохи российско-китайских отношений», истоком которых является теория Си Цзиньпина о новой эпохе строительства социализма с китайской спецификой в КНР. В какой-то степени это естественно, так как влияние Китая растёт и появление его формулировок в международной терминологии закономерно. Вопрос в том, всегда ли в России эта терминология принимается сознательно и разумно, и в том, почему российские формулировки отходят на второй план.

Например, возьмём Совместное заявление по некоторым вопросам глобального управления в современных условиях, подписанное министрами иностранных дел во время визита Сергея Лаврова в КНР в марте 2021 года. Там содержится в целом обоснованное утверждение о том, что «единого стандарта демократической модели не существует», поэтому следует «уважать законные права суверенных государств самостоятельно определять свой путь развития», а «вмешательство во внутренние дела суверенных государств под предлогом “продвижения демократии” недопустимо». В то же время сама «демократия» или «народовластие» определяется как «возможность участия граждан в управлении собственной страной, а также применения полученной власти

в законных целях»²². Такое определение демократии, мягко говоря, нетрадиционно и содержит следы влияния китайской правовой доктрины.

В первой главе Конституции РФ чётко сказано, что многонациональный народ является «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации» и осуществляет свою власть «непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Там говорится, что «никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону» (статья 3)²³.

Непосредственное осуществление власти и «участие» в ней с позволения кого-то, от кого она «получена», – не одно и то же. Между тем Конституция КНР, хотя и признаёт тот факт, что вся власть в стране принадлежит народу, определяет характер политического режима как «социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян». Также утверждается, что «руководство со стороны Коммунистической партии Китая является самой сущностной особенностью социализма с китайской спецификой», и запрещается «любым организациям или частным лицам подрывать социалистический строй»²⁴. Таким образом, суверенитет народа строго ограничен определёнными рамками, и власть КПК не может быть подвергнута сомнению. Это, по сути, и означает участие народа в управлении в пределах, установленных КПК. Таким образом, в формулировке заявления усматривается сознательное или бессознательное принятие российской стороной китайского подхода, не соответствующего Конституции РФ.

В стремлении Пекина формировать нарратив российско-китайских отношений и в более широком плане определять общую

²² Совместное заявление министров иностранных дел Китайской Народной Республики и Российской Федерации по некоторым вопросам глобального управления в современных условиях // МИД РФ. 23.03.2021. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4647776 (дата обращения: 2.06.2021).

²³ Конституция Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 2.06.2021).

²⁴ Конституция КНР (в редакции 2018 г.) // Chinalaw.center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 2.06.2021).

позицию стран на международной арене можно усмотреть стратегию, которую профессор Университета Нового Южного Уэльса Ван Хэн назвал «избирательное переформатирование» (*selective reshaping*, он применяет это понятие к международному экономическому порядку). Такая политика Китая по переформатированию правил и институтов, подразумевающая также их принятие другими странами, о которой писал Ван Хэн, безусловно, затрагивает и важнейшие политические вопросы, которые выходят на первый план в условиях ценностного конфликта КНР и США²⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для оценки сценариев развития российско-китайских отношений необходимо учитывать меняющееся соотношение сил и новые элементы внешнеполитического курса Пекина. В рамках реалистского подхода теории международных отношений сформировалось мнение о трёх возможных реакциях на усиление или активизацию внешней политики другой стороны: это балансирование (*balancing*), переход на сторону (или под эгиду) победителя (*bandwagoning*) и хеджирование (*hedging*). Первые два подхода для российской политики в отношении усиливающегося Китая не годятся. Балансирование, то есть создание коалиций с другими оппонентами возвышающего или просто более мощного государства с целью создать противовес его влиянию или сдержать его рост, применяется против враждебных держав. Китай для России таковой не является. Скорее России и Китаю надо создавать баланс США и Западу. Сам же Запад, формируя антикитайские и антироссийские коалиции типа группы QUAD (США, Япония, Индия, Австралия), явно пытается балансировать укрепляющееся китайско-российское партнёрство. Переход на сторону Китая не соответствует ни интересам России как страны, пытающейся стать независимым центром влияния в Евразии, ни исторической самоидентификации её населения, в рамках которой вряд ли возможна зависимость от кого бы то ни было. Поэтому наиболее разумен вариант хеджирования рисков. Эта политика (сам термин пришёл из финансово-инвестиционной сферы) означает сочетание обоих

²⁵ Wang H. Selective Reshaping: China's Paradigm Shift in International Economic Governance // Journal of International Economic Law. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 583-606.

подходов: развитие тесных отношений с сильным партнёром при соблюдении собственных интересов и диверсификации связей с ним, дабы застраховаться от чрезмерной зависимости.

Основным вызовом для России является политика Запада, и Китай ей, безусловно, необходим и как политический, и как экономический партнёр. Но не следует забывать, что в условиях конфронтации КНР с Западом значение Москвы возрастает и для Пекина. В Китае это стали понимать, хотя и не сразу, так как надежды на восстановление прежних партнёрских отношений с США сохранялись там долгое время. Сдвиг настроений Пекина виден, например, в интервью китайского министра иностранных дел Ван И в начале января 2021 г., в котором он вместо традиционных китайских «трёх нет»: не вступать в союз, не устраивать конфронтацию и не нацеливаться на третьи страны, – выдвинул три новые принципа: в отношениях между двумя странами отсутствуют конечная линия, запретные зоны и верхний ограничитель²⁶.

Возможно, высказывания Ван И означают, что старые ограничения фактически снимаются, и связи с Россией получают некий высший приоритет, близкий к союзу. Пока Китай не использует подобную формулировку для описания отношений с каким-либо другим партнёром. Однако никаких пояснений, какую степень близости предполагает новая формула, с китайской стороны не дано. Как считает китайский исследователь Чжан Синь, формулировка Ван И предоставляет «неопределённое, но гибкое и достаточно большое поле для воображения в деле концептуализации двусторонних отношений». Кроме того, это может означать, что идея о «новом типе отношений между крупными державами», которая первоначально, ещё в 2013 г., предназначалась для американской аудитории, довольно неожиданно частично реализовалась между Китаем и Россией²⁷.

²⁶ 王毅：中俄战略合作没有止境，没有禁区，没有上限 [Ван И: У китайско-российского стратегического сотрудничества отсутствуют конечная линия, запретные зоны и верхний ограничитель] // 外交部 [Министерство иностранных дел]. 2.01.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbzhd/t1844069.shtml> (дата обращения: 2.06.2021).

²⁷ Zhang X. “Endogenous Drives” with “No-Limits”. Contrasting Chinese Policy Narratives on Sino–Russian Relations since 2014 // *Russia's Relations with China. Russian Analytical Digest (RAD)*. 19. 03. 2021. № 265. P.7. URL: <https://www.research-collection.ethz.ch/bitstream/handle/20.500.11850/476768/2/RAD265.pdf> (дата обращения: 2.06.2021).

Однако в практической сфере стороны следуют прежним принципам свободы манёвра в отношениях с третьими странами, в том числе и с США. Более того, Москва посчитала необходимым подчеркнуть, что не видит нужды в согласовании ответа на санкционное давление Запада²⁸. Несмотря на декларируемое сотрудничество в борьбе с пандемией *COVID-19*, Китай не откликнулся на просьбу России предоставить штаммы вируса, исходя из приоритета создания собственных вакцин и решения своих задач в сфере вакцинной дипломатии²⁹. Таких случаев конкурентных противоречий, особенно когда дело касается роли двух стран в предоставлении глобальных общественных благ, видимо, будет становиться всё больше.

Сложным выбором для России по-прежнему остаётся собственное позиционирование в грядущей борьбе техноэкономических блоков (китайского и американского). По всей видимости, предположение, что Россия якобы готова

к формированию «авторитарного цифрового союза» с Пекином, является мифом. Интересы национальной безопасности заставляют Москву одинаково не доверять ни западным, ни китайским технологиям 5G³⁰.

Возможно, чувствуя эти настроения, Пекин будет пытаться и дальше проверять готовность Москвы пойти на нечто большее, чем стратегическое партнёрство. Но, во-первых, в России хорошо понимают, что китайская экономика на деле значительно больше зависит от западной, чем от российской, и при первой возможности партнёрские отношения КНР с США и Европой будут восстановлены. Во-вторых, такой сдвиг может вызвать критику внутри России с самых разных позиций: как «либеральных», так и «патри-

В условиях конфронтации КНР с Западом значение Москвы для Пекина возрастает.

²⁸ Лавров: Россия и Китай не будут вместе отвечать на санкционные «выходки» Запада // ТАСС. 1.04.2021. URL: <https://tass.ru/politika/11050253> (дата обращения: 2.06.2021).

²⁹ Китай не передал России штамм нового коронавируса, заявила Голикова // РИА Новости. 3.02.2020. URL: <https://ria.ru/20210611/traur-1736566601.html> (дата обращения: 11.06.2021).

³⁰ Kovachich L., Kolesnikov A. Digital Authoritarianism with Russian Characteristics? // Moscow Carnegie Center. 21.04.2021. URL: <https://carnegie.ru/2021/04/21/digital-authoritarianism-with-russian-characteristics-pub-84346> (дата обращения: 2.06.2021).

отических». Он также противоречит ключевым целям современной внешней политики РФ: поддерживать статус самостоятельного и активного глобального центра силы, избегая затратной конфронтации. Вероятно, главная причина китайской настойчивости и некоторого перекоса в двусторонних отношениях связана с тем, что нынешнее руководство КНР, располагая ресурсами и чувствуя уверенность, не видит рисков в стратегическом перенапряжении и считает, что Россия готова взять на себя большую ответственность, чем она действительно может себе позволить.

Конечно, новые реалии не позволяют говорить о возможности принципиального изменения российского курса, предположим, переориентации на сближение с Западом. **Во-первых**, это невозможно, поскольку конфронтация с ним дошла до крайней степени. **Во-вторых**, история показала, что такое сближение приемлемо для Запада, только если осуществляется за счёт ущемления национальных интересов Москвы, что не может быть принято значительным большинством её граждан. В этом плане тесное взаимодействие с Китаем на долгие годы, а, возможно, и навсегда, останется для России политической и экономической необходимостью. В то же время новая китайская заинтересованность в России создаёт возможность для выправления сложившегося в последние годы крена в сторону Пекина, который грозит движением от хеджирования к переходу на сторону победителя (*bandwagoning*).